

Бальзак в «стране царей»

Николь ЗАНД

«МОНД», ПАРИЖ.

19

ИЮЛЯ 1843 года Оноре де Бальзак отправился из Парижа в Дюнкерк, откуда на борту теплохода «Девоншир» отплыл в Россию. В Санкт-Петербург пассажиры прибыли 29 июля. Бальзак ехал повидать г-жу Ганскую, с которой последний раз встречался в Вене в 1835 году. Были у него, без сомнения, и некоторые литературные надежды на страну, где, несмотря на цензуру и на вольности, которые себе позволяли переводчики его произведений, он оставался одним из самых знаменитых зарубежных писателей.

В Петербурге Бальзак поселился в меблированной квартире, принадлежавшей богатой вдове, которая говорила по-французски. Жилье располагалось напротив дома Эвелины Ганской, на Большой Миллионной улице, в районе роскошных дворцов и посольств, в двух шагах от Зимнего дворца и Адмиралтейства, набережной Невы и Невского проспекта. В «Дневнике», который Бальзак вел для нее, есть запись от 2 сентября: «Прибыл 17 июля (по принятому тогда в Польше стилю. — «Монд») и около полудня имел счастье вновь увидеть и приветствовать мою дорогую графиню Еву в доме на Большой Миллионной. Мы не виделись с самой Вены, и я нашел ее такой же красивой и молодой, как и прежде. Прошло долгих семь лет, и все это время она оставалась среди пшеничных просторов, а я — в людской пустыне, именуемой Парижем».

ПО СЛЕДАМ МАРКИЗА ДЕ КЮСТИНА

ПРИНАДЛЕЖАВШАЯ к знатному польскому роду Эвелина вышла замуж за графа Ганского, владевшего огромными землями на Украине и бывшего на двадцать два года старше ее. Большая почитательница французской литературы, Эвелина в 1832 году после прочтения «Сцен частной жизни» и «Шагреневой кожи» затеяла переписку с восхитившим ее автором. Переписка эта становилась все более и более эмоциональной.

Впервые они встретились в Невшателе 25 сентября 1833 года. Потом были встречи в Женеве в 1834 году и Вене в 1835 году. Все это время, вплоть до 1848 года, не переставали переписываться. В этой глубоко личной переписке приходилось прибегать к самоцензуре, чтобы не повредить

адресату. После 1848 года они уже не расставались.

Овдовев в 1841 году, Эвелина Ганская согласилась наконец на то, чтобы Оноре приехал в Санкт-Петербург. Приезд этот, о котором он давно мечтал, много раз откладывался. «Если вы не возражаете, я стану русским и обращусь к царю с просьбой разрешить наш брак. Это не так уж безрассудно! Вот уже два года, как я мечтаю приехать в Санкт-Петербург и заняться там литературой и театром. Если меня что-то и останавливает, так это незнание русского языка», — писал он. Он даже пытался подсчитать, во что это обойдется: «Чтобы добраться из Гавра в Санкт-Петербург, нужно 400 франков, и еще 400, чтобы вернуться, что составляет 800 франков; 200 франков хватит, чтобы доехать до Гавра и вернуться. Итого 1000 франков на дорогу. Еще 1000 франков понадобится для пребывания в России в течение месяца. Я только прошу подыскать мне квартиру в приличном доме, потому что господин де Кюстин мне говорил, что у вас нет постоянных дворов и очень трудно найти жилье. Так что все довольно просто, и поездка обойдется мне в 2000 франков, то есть в стоимость одного моего тома! С каким же удовольствием я буду его писать!»

На сей раз, твердо решив заработать деньги для путешествия, он стремительно завершил «Блеск и нищета куртизанок» и третью часть «Утраченных иллюзий» — «Давида Сешара».

14 июля он отправился в российское посольство за визой, которую ему выдал чиновник-секретарь, отнесшийся к нему с явным презрением. Об этом Бальзак написал в своем «Дневнике»: «Маленький толстый и жирный человечек, с видом раздатчика хлеба, с речью сапожника, с габаритами бочара, с манерами чулочника, с лицом кабатчика, вот те на! У него нет денег, значит, он едет в Россию; он едет в Россию, значит, у него нет денег».

Трудности путешествия, однако, не ограничились презрительным обращением посольского чиновника, как о том свидетельствует шифрованная депеша, которую поверенный в делах граф Киселев отправил 24 июля своему министру, графу Нессельроде: «Если г-н де Бальзак, романист, еще не появился в Санкт-Петербурге, то он появится со дня на день, поскольку уже 14 сего месяца ему была выдана виза, с тем чтобы он выехал из Дюнкерка в Россию. Так как финансовые дела этого писателя постоянно находятся в критическом состоянии, а в настоящий момент хуже, чем когда бы то ни было, вполне вероятно, несмотря на противоположные утверждения

газет, одной из целей его путешествия является литературная спекуляция. В таком случае, идя навстречу г-ну де Бальзаку в его желании заработать денег, можно попытаться использовать перо этого автора, который сохраняет еще здесь некоторую популярность, как, впрочем, и в Европе, и убедить его написать нечто противоположное враждебному и клеветническому сочинению г-на Кюстина».

Так выглядели российские купцы, которых увидел Бальзак, приехав в «страну царей».

Репродукция «Монд».

Действительно, совсем недавно, в мае 1843 года, в Париже были изданы письма из России маркиза де Кюстина, озаглавленные «Россия в 1839 году» и вызвавшие гнев официальных российских лиц («Моя ли в том вина», — писал Кюстин в своем предисловии, — если, прибыв в страну с неограниченной государственной властью в поисках новых аргументов против деспотизма у себя дома, против беспорядка, именуемого свободой, я не увидел там ничего, кроме злоупотреблений, чинимых самодержавием?). Царские чиновники попытались развязать кампанию в прессе против Кюстина. Подкупали газетчиков, которые «разоблачали» маркиза (одно из таких разоблачений вышло из-под пера сотрудника тайной полиции Н. И. Греча), но власти предпочли бы получать опровержение из рук известного автора. Бальзак отказался от такого предложения. Вернувшись домой, он жаловался: «Мне говорят, что я упустил возможность заработать большие деньги, отказавшись написать «опровержение». Какая глупость! Ваш монарх слишком умен, чтобы не понимать, что наемное перо никогда не вызовет доверия. Я не пишу ни за, ни против России».

«НИ ДЕВ РАДОСТИ, НИ САМОЙ РАДОСТИ»

ПРЕБЫВАНИЕ в России не оправдало его ожиданий. «Я получил пощечину, предназначенную Кюстину», — скажет Бальзак, вернувшись во Францию. Литератор отлично видит, что официальные круги его игнорируют. Он встречается с друзьями Ганской и с несколькими высокопоставленными чиновниками, чьего расположения добивается. Приглашенный на большой ежегодный смотр императорской гвардии, на котором присутствовал и царь, Бальзак смог его увидеть лишь с расстояния в «пять метров», был страшно огорчен, получив солнечный удар и лишившись «чести смотреть на императора не так, как, по словам Рабле, пес смотрит на епископа». Ему так и не удалось познакомиться ни с одним писателем, журналистом или критиком, будто все они были согласны с поэтом Василием Жуковским, который осуждал «аморальность» французских писателей: «Тенденции современной литературы, и особенно литературы французской, меня приводят в ужас», — писал он в 1835 году. — В ней царит какой-то пагубный материализм. Я уже не осмеливаюсь прикасаться ни к одной из книг, если вижу на обложке имена Бальзака, Жюльена и компании...».

Идею с женитьбой также пришлось отложить. Бальзак покинул Санкт-Петербург 7 октября 1843 года в почтовой карете.

«Северная пчела», петербургский светский журнал, приветствовала отъезд писателя следующими словами: «Бальзак провел у нас два месяца и уехал. Многие теперь задаются вопросом, что он напишет о России. С некоторых пор Россия хорошо знает себе цену и мало интересуется мнением иностранцев о себе, зная наперед, что от людей, приезжающих сюда туристами, трудно ждать истинного суждения, потому что они черпают информацию у своих друзей, вместо того чтобы лично изучить жизнь страны и ее жителей».

Бальзак, однако, не был туристом и не написал о России почти ничего, хотя пережитые им впечатления и собственное восприятие Невского проспекта легко ощущаются в его «Дьяволе в Париже»: «Проспект похож на наши Бульвары не больше, чем стразы похожи на алмаз, он лишен этих живительных лучей души, свободы, иронизировать над всем, ...свободы, которой так славятся парижские фланеры. Нравы страны таковы, что не принято побеседовать втроем на площади или собраться пусть даже у самого маленького камина, если его дым выбивается из трубы и виден на улице. Повсюду одни мундиры, петушинные перья, шинели. И ни одной группы, которая бы издавала хоть хулиганскую газету! Ничего непредвиденного,

ни дев радости, ни самой радости. Народ, как всегда, нищ и за все отдувается».

В последующие годы Бальзак встречается с Эвелиной Ганской и ее дочерью в Германии, Италии, Бельгии, Франции. В 1847 году она приглашает его погостить у себя в имении на Украине.

В середине сентября Бальзак прибыл в замок, окруженный двадцатью тысячами гектаров принадлежащих Ганской земель, на которых проживало более тысячи крепостных. Одних слуг в замке было около трехсот.

На Украине он оставался до января 1848 года. Получив отказ Ганской выйти за него замуж, он решил вернуться во Францию раньше, чем предполагал, в самый разгар зимы. В Париж он прибыл за восемь дней до того, как разразилась революция 1848 года. Ненавидевший любые политические движения, которые расстраивали его планы и «разваливали книго-торговлю», он послал иностранные письма Эвелине и вскоре уже мечтал вновь вернуться на Украину. Он снова обратился за разрешением на въезд в Россию, готовый стать верноподданным Николая I. Но подозрение российских властей к Бальзаку не уменьшилось, и заведенное на него дело вернулось с разрешением, написанным рукою царя: «Да, но под строгим надзором».

19 сентября 1848 года Бальзак вновь отправился к Ганской. На протяжении всего своего пребывания в ее замке, роскошном, но неудобном, он ощущал, как разрушается его здоровье, не мог больше работать, страдал вместе с Э. Ганской из-за бесконечных трудностей, сопряженных с получением для нее права выйти замуж за иностранца, не лишаясь при этом своего имущества, как того требовал закон.

Наконец, в феврале 1850 года Э. Ганская принимает решение передать все свои земли дочери, чтобы иметь возможность вступить в брак с Бальзаком и последовать за ним во Францию. Бракосочетание состоялось 14 марта 1850 года в римско-католической церкви в Берниче.

24 апреля в огромном рыдване, набитом багряным Оноре и Эвелина покидают Верховицу. Снег еще не полностью растаял, дороги в ужасающем состоянии. Они приезжают в Париж, на улицу Фюжюне (ныне улица Бальзака), в конце мая. Там Бальзак умирает 18 августа. Его вдова на Украину так и не вернулась.